

Марк Дюр

За окном-что-то происходит

Часть первая

16+

Марк Дюр

За окном что-то происходит

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Марк Дюр

За окном что-то происходит / Марк Дюр — «ЛитРес: Самиздат»,
2021

Вас ожидает сюрреалистический рассказ в довольно простом сюжете, где читатель, словно нащупывая путь во тьме, опираясь лишь на свои чувства и эмоции, восприятие и интерпретацию, отыщет для себя энный смысл. Я выразил то, что хотел, свобода искусства в интерпретации, всякий сюжет избит и тривиален, я же руководствуюсь чувствами, подсознательное письмо и импульсы сердца, что словно отбивают клавиши клавиатуры, сквозь вены веля рукам исписывать свои чувства и мысли. Более это высказывание мыслей, эссе и полёт сознания, чувственный поток эмоций, грациозная игра слов и образов, метафор и аллегорий, что подвластно заметить лишь самым внимательным читателям.

Марк Дюр

За окном что-то происходит

Предисловие

Если Вы собрались читать мои произведения – значит, у вас уйма свободного времени.

Я не смею ручаться за то, будут ли они Вам полезны, так как для меня, ведь в писательстве смысл моей жизни, и я пишу, покуда жив, либо мертв, и лишь смерть меня сдержит.

Здесь заключена моя жизнь, и прочтением, Вы даёте дань памяти жизни моей, проживая её со мною разом, и если уже моё имя, как на оглавлении, ныне под дождем, палящим солнцем и снегами, выцветает среди миллионов имён на могильной плите, на дрянном, сколоченном кресте, либо вовсе стёрто, то не считайте это эпитафией, будто всю жизнь свою я то и делал, что каждую строкой рыл себе яму; наоборот же, каждую строкою я впивался в жизнь, тянул руки к вечности, и смерти порою желая, желалось мне не гибели, а жизни иной, пока не вразумишь, что жизнь твоя, как бы снаружи ни был изувечен, что бы в ней не творилось – это всё ни к черту, ведь подлинная жизнь моя, давно уже распластана меж строк, и там её место.

Вас ожидает сюрреалистический рассказ в довольно простом сюжете, где читатель, словно нащупывая путь во тьме, опираясь лишь на свои чувства и эмоции, восприятие и интерпретацию, отыщет для себя энный смысл. Я выразил то, что хотел, свобода искусства в интерпретации, всякий сюжет избит и тривиален, я же руководствуюсь чувствами, подсознательное письмо и импульсы сердца, что словно отбивают клавиши клавиатуры, сквозь вены веля рукам исписывать свои чувства и мысли. Более это высказывание мыслей, эссе и полёт сознания, чувственный поток эмоций, грациозная игра слов и образов, метафор и аллегорий, что подвластно заметить лишь самым внимательным читателям.

Рекомендации к прочтению:

Прошу вас, для более углублённого понимания, читать исключительно ночами, в тишине и безропотном спокойствии, когда бы внешний мир не отвлекал вас от искусства, когда бы внешний мир был стал фоном для искусства, как ваша комната, окутанная тьмой, где всё реально, где строки обретают больший смысл, ведь вы всецело увлечены чтением.

Приятного прочтения!

Марк Дюр

(Дмитрий Артшкин)

Самиздат ЛитРес 2021

Эпиграф: В моём доме завелись тараканы, и поселились в голове. Будто из каждого угла на меня взирают сотни глаз, и каждый взор, кромсающий мою плоть, разрезающий её на ломтики, воровато унося во тьму часть меня, тем самым сотни этих глаз, ставят под сомнения моё существование.

Часть первая

1

Трель безумных ночей

– Ты добровольно явился на свою казнь! – воскликнул Веня, поднимая ботинок с пола, взмахивая его над обреченным тараканом, скрывшемся в блеклой тени подошвы. Слова его разносились по замызанной кухне, витая меж голых стен, словно теннисными мячиками оттал-

киваясь от них, наводняя команту сотнями округлых теней, то исчезающих, то пестрящих пред глазами вновь.

– Даже не убегаешь, принимая свою судьбу, как данность своих действий. Что ж, это слишком благородно для мерзкого прусака, прими же свою, осмысленную лишь мною, смерть.

Секунда, треск панциря, и насекомое пало жертвой глупости своей. Не поднимая ботинок, не удостоверившись, мёртв ли, аль ранен прусака, в его голову закрались абсурдные мысли, порожденные потерявшим счёт циклом бессонных ночей.

– Разве мы не подобны этому гадкому насекомому? – спросил себя Веня, усевшись на издёртое и засаленное кресло, укрытое простынёй, косясь на ботинок, лишивший жизни насекомого.

– Разве не манит нас то, что нас погубит, не жизнью ль это мы зовём? – понурился он, произнёс он, вопрошая таящуюся пустоту.

Неведомо что торкнуло его сердце, вдруг оно бешено заколотилось, разум заполнили видения, некогда дивная явь – воспоминания, голову склоня над минувшим, он враз переменялся, сделалось грустно, лишь слово способно пробить землю под ногами, проваливая Нас на миг, а то и годы, в меланхоличное томление о пережитом, помня всё, будто для памяти сей и был рождён.

– Ах, о любви мне ещё не тосковалось в эту ночь... – чуть грустно выразил он, откинувшись в кресле, закуривая сигарету, вновь покосившись на ботинок, ставшим надгробием насекомого.

Вновь в голову его вторглись иные мысли; то под твердью черепной густилась мглистая пустота, темень без единой мысли – лишь слова, исходящие извне, и он лишь сторонний наблюдатель, в свою очередь за которым наблюдают иные, сознать существование которых ни он, следовательно логике его, ни они не могли... Помутнел рассудок, нутро гноилось отворачиванием, будто нечто сжимало его кишки, наматывая на веретено, тянувшись мерзотным шлейфом исполосованных внутренностей, нервов, волос и духовного существа, просторой рубухой прилипшего к плоти – призрачной души, весь Он за кишками вслед, всецело расплетался на тоненькие нити.

Скорчившись от сей мысли, от плывущего пред глазами видения, отряхнувшись, как от дурного сна, вмиг переменявшись и позабыв, точно память стерев за несколько скоротечных минут, встрепенувшись, напыщив свои монологи с белизною стен, продолжил. – Абсурд! – воскликнул тут же он! – шизофрения червём ворошит мои извилины. Полоумие, не иначе! – вскрикнул он, вставая с кресла. Но... кого я пришиб? – снова спросил себя – он чуть замешкавшись – Бред, полуночный бред! – снова встрепенулся, чуть бредя вслух невнятные словечки в узорах гадкого голоса, во тьме нащупывая путь к постели, сшибая свою плоть о мебель, добравшись к своему лежищу избитым, точно брёл по злачному переулку, кишачиному хулиганьём. Истомленно повалился на диван, продолжая думы, сковывая цепи последующих мыслей.

– Как разум мой, сотворивший столь интересные, удивительные мысли несколько минут назад, да и в предыдущие ночи, вдруг приткнулся к этой мысленной цепи? Вдруг стал абсурден, дал сбой, будто вместо свечения ламп, сияет солнце – думает он, безгранично себя вопрошая, давая ответы, уткнувшись ими в очередной вопрос.

– Тогда хоть мнимое оправдание имело бы место быть; ведь серое вещество под костной твердью моей днём – лишь ластик, жеваная резинка, способная лишь зубрить, помнить насущные дела, а ночью – не иначе серебро, растекшееся русло удивительных идей, извилистая тропа нескончаемых мыслей, ведущих в дебри сознания, словно плутая меж деревьев – множеств вопросов, встающих на пути, но всё же идя к свету, срубившая наповал сии деревья, либо бережно обходя. Однажды лишь приткнувшись к дереву, скажем, столетнему дубу, который станет гробом твоим, либо осои и прочих деревьев – вопросов, ответ на который сокрыт

в смерти твоей, ответ на который, вернее же принятие его, не даст тебе жить... – протороторил Веня, жестикулируя худосочными кистями рук, будто прорезая ими тьму, проторивая путь своими словами, брошенным в непроглядное пространство, заполонившее комнату, ширящееся за чертогами её границ, где вездесущая тьма, вселенское пространство мглы, среди которого, как среди комнаты его затерян Он, затерялась третья от Солнца планета.

– И как же ночью, рассудок мой, ты выдал в шифре сбой? – поэтично высказал он, разыгрывая в своей голове пьесу, трагедию, скользнувшего к безумию рассудка.

Мысли о этом, столь разбухшем случае протянулись в грянувшую ночь, грозowymi тучами обрушившись на его сквозящий дырами костный чердак; время от времени, в него просачиваются дурные думы, а по душе сквозняком проносится ностальгия, меланхолия, трансцендентный ужас и безграничное количество чувств, во всех оттенках, близ нам известных, облаченных в буквы, носящих имя, как и тех, коих словом не облечь, лишь чувствовать да и только. Так мысли его, сквозь ужасное и абсурдное, прильнули в привычное русло беспечности и грёз, казалось лишь, то ли нимбом, то ли запрокинутым над головою ножом, чёрные, как мгла, волосы его, взъерошенно падали на очи, плёночными кадрами переменяя зримое им: от экзистенциальной беспечности до inferнального ужаса, от мирского до немыслимого, неподвластного рассудку, лишь чувствам, витающих близ неизведанного. Стрелки настенных часов, беспрестанно цокающих ускользающими секундами, тянулись к третьему часу ночи, волочась по циферблату сотнями дум, мечтаний и видений, вспыхивающих пред роговицами заспанных очей. В прелюдии пред снами – в предсонных мыслях и грёзах, Вене думалось о возлюбённой, от которой уж которую неделю ни весточки, и лишь воображением, поступью строк и грёз, сквозь разделяющие их километры, он представлял, что же с милой, встречаясь они, хоть мысленно вновь, на том же месте, во сплетениях лабиринтов улиц, рука об руку бредя, танцую, плетясь о любви и шутя, замолкая и обнявшись, взирали бы в небо, да что угодно, лишь бы с нею рядом. Шепотом он плёл себе под нос некоторые мысли, и пространство вокруг, чтобы услышать, подкралось ближе, тьма чадила копотью, обнимая тёплым одеялом, как некогда объятьми нежными, тело его оплетали руки любимой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.